

Диагностика ментального кризиса

В.И. ТЮПА

Экономическая и политическая кризисность постсоветской эпохи очевидны. Очевидны и некоторые признаки преодоления кризисов этого рода — симптомы политической и экономической стабилизации общества. В рамках социологического проекта «Томская инициатива» нас занимала проблема кризиса российской ментальности. Имеет ли место этот кризис вообще? Если да, то имеются ли в российском обществе симптомы выхода из ментального кризиса? И нельзя ли в таком случае различить перспективное направление этого выхода?

Питирим Сорокин трактовал общественный кризис как утрату социокультурной «суперсистемой» единого вектора ментальной жизни. Это означает ценностную дезинтеграцию и «моральную поляризацию» общества [Sorokin 1991]. Можно с уверенностью утверждать, что в контексте такого кризиса многие личности ослабляют или даже вовсе утрачивают способность к полноценной самоактуализации и адекватной самоидентификации, что приводит к дефициту социальной субъектности.

Однако по мысли того же П. Сорокина, глубокие ментальные кризисы составляют необходимую часть мирового исторического процесса и нередко оказываются прелюдией нового и продуктивного в социокультурном отношении жизнеуклада. Это соображение повышает значимость своевременной социологической диагностики и интерпретации кризисов ментальности.

Ментальность — чрезвычайно существенная характеристика любого социума, поскольку в качестве социокультурного субъекта человек принадлежит не столько объективному миру, сколько интерсубъективной картине мира, творимой тем или иным менталитетом. Априорно можно было предположить наличие по крайней мере двух векторов российской ментальности: квиетизм (сверхценность покоя: ничего не достигать, ничего не отвергать) и утопизм (коммунистического, либерального или иного толка). Но ментальная дифференцированность или, лучше сказать, дезинтегрированность российского общества, несомненно, сложнее и многообразнее. Именно она и явилась предметом настоящего исследования.

Базовую характеристику любой социокультурной субъектности составляет доминирующий *модус сознания* (тип ментальное™). Таких состояний человеческого духа история цивилизации (социальный филогенез) и становление индивидуальной психики (онтогенез) знают четыре:

- *роевое* Мы-сознание, предполагающее самоидентификацию индивида с некоторой общностью индивидов;
- *ролевое (авторитарное)* Он-сознание, предполагающее самоидентификацию индивида с ролью в социуме;
- *уединенное* Я-сознание, предполагающее самоидентификацию индивида с самосознанием;
- *конвергентное (солидарное)* Ты-сознание, предполагающее самоидентификацию индивида с содержанием другого индивидуального сознания («я» как «ты» для другого).

При доминировании в ментальности роевого модуса сознания картина мира децентрирована. Мирообразующее отношение здесь — отношение «своего» и «чужого» (а не центра/периферии). Ментальный вектор ценностных реакций и поведенческих стереотипов такого сознания — вектор покоя.

У ментальности с авторитарной доминантой картина мира экстрацентрична. отождествляя себя с ролью в миропорядке, «я» располагается на большем или меньшем расстоянии от его центра — в промежутке между центром и «краем» мира, за которым начинается неприемлемая для этого менталитета маргинальность. Ментальный вектор в данном случае — вектор власти (обеспечиваемой властными отношениями порядка).

Ментальность уединенного сознания творит интроцентричную картину мира: «я» созерцает мир с позиции центра, а все остальные компоненты мира актуальны лишь в меру своей соотнесенности с этой позицией. Если действительные социальные отношения, в которые вступает субъект уединенного сознания, не способствуют реализации его претензий на центральное местоположение в мире, он оказывается в позиции внутренней (а нередко и внешней) маргинальности™ к миру «других». Ментальный вектор такого самоутверждающегося сознания — вектор свободы (безотносительной вольности самопроявлений).

Конвергентному сознанию присуща полицентричная, неплоскостная картина мира, где «я» составляет один из многих ее полюсов. Такое «я» реализует себя не в ролевом исполнении и не в акте самоутверждения, а в «диалоге согласия»*. Оно нуждается для самоактуализации в необезличенном «своем другом». Широта конвергентной картины мира зависит от множественности «своих других» (не сливающихся в «референтную группу» роевого или авторитарного сознания) и в принципе может быть бесконечной. Ментальный вектор ценностной и поведенческой конвергенции — вектор ответственности (внеролевого самоограничения личной свободы, не посягающей на свободу «других»).

В диахронном аспекте модусы сознания являют собой стадийные этапы его становления, фазы ментальности, между которыми существует эволюционная последовательность их актуализации в культуре. В рамках определенной культурной парадигмы один из модусов, как правило, доминирует, выступая ее культурообразующим фактором.

Исходной стадией становления ментальности является роевое сознание первобытного человека или современного ребенка младенческого возраста. Именуемое в работах Л.С. Выготского «Мы-сознанием», оно определяется как «перво-

* Ср.: «Согласие как важнейшая диалогическая категория <...> За ним всегда преодолевается даль и сближение (но не слияние) <...> ибо диалогическое согласие по природе своей свободно, т. е. не предопределено, не неизбежно» [Бахтин 1996, с. 364].

Диагностика ментального кризиса

начальное сознание психической общности, которое предшествует возникновению сознания собственной личности» [Выготский 1984, с. 305].

Культура авторитарного сознания доминировала в человеческих сообществах, имевших государственность, от античности до эпохи Просвещения (ознаменовавшей фундаментальный кризис европейского авторитаризма). В онтогенезе же отдельной человеческой личности ролевой модус сознания зарождается на «второй стадии раннего детства» (психологический кризис первого года жизни) — на стадии «внешнего я» (Выготский), когда ребенок, осознавая свою личную индивидуальность как бы извне, относится к себе самому (и даже именует себя) в третьем лице (феномен Он-сознания).

Кризис трехлетнего возраста знаменует очередной стадиальный сдвиг — возникновение «внутреннего я» как психологического «новообразования» и закладывание психологических основ уединенного Я-сознания. Наиболее показательная историческая манифестация данного строя духовности в высших культурных формах — культура романтизма.

Очередной стадиальный кризис психики, наиболее вероятный в возрасте около семи лет, свидетельствует о последующей метаморфозе личного сознания. Ребенок открывает вокруг себя в окружающих его людях другие внутренние «я». Новообразованием его психики становится принципиальная «дифференциация внутреннего и внешнего» аспектов личности (Выготский), размежевание монологического я-для-себя и внеролевого, диалогического я-для-других. Это служит психологическим фундаментом исторически наиболее молодого и по этой причине наименее развитого модуса конвергентного ТЫ-сознания, эксплицитированного, в частности, такими мыслителями нашего столетия, как П. Тейяр де Шарден и А. Швейцер, как М.М. Бахтин и А.А. Ухтомский, М. Бубер, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси и др.

Возникновение на рубеже XVIII-XIX столетий личной уединенности как духовной практики существования — эпохальный слом общественного сознания. В России на этом изломе образуется социальная трещина, которая со временем разрастается в столь характерную для всей русской культуры Нового времени проблему «интеллигенции» и «народа» как коллективных социокультурных субъектов с разными ментальностями. Парадоксальность интенсивного роста личностного самосознания в стране с общинно-иерархическим укладом жизни (и питаемой этим укладом авторитарностью мышления) представляется ключевой не только для изучения русской классической литературы [Тюпа 2001], но и социокультурной истории российского этноса в целом. Если в западной Европе ментальный вектор Я-сознания охватил самые различные слои общества и надолго составил единую доминанту культурной жизни, то в российских условиях он укоренился лишь в разночинно-интеллигентской ментальности. Крестьянскому менталитету народного большинства уединенное сознание оставалось глубоко чуждым.

В XX в. в духовной жизни России борьба разнородных ментальностей за лидерство в национальном мировоззрении (или за выживание в нем) существенно обострилась. Пролетарская революция и последовавший за нею сталинский социализм явились феноменами сначала очевидного краха, а затем могучего реванша авторитарной ментальности. В обоих случаях весьма существенной была «союзническая» роль роевого (патриархально-общинного) менталитета, который в революционной ситуации удалось противопоставить мен-

тальному вектору власти, а впоследствии вновь ему подчинить. В конце века несомненным торжеством неуклонно набиравшего силу уединенного модуса сознания явился крах советской политической системы. Что же касается конвергентного менталитета, то для нас очевидна его ведущая роль в формировании социокультурного феномена советского «шестидесятничества».

Однако судить о столь сложных социокультурных процессах только по вершинам культуры и идеологическим манифестациям в наше время уже совершенно недостаточно. Нужны специальные социологические исследования.

Как показывает анализ широкого круга литературных текстов, четыре названных выше вектора духовной жизни определяют сложную и динамичную картину художественной культуры XX века. Есть все основания предполагать, что в латентных или редуцированных, размытых формах они фундаментально значимы и в повседневной жизни людей, в их ценностных ориентациях и стереотипах поведения.

Первый вектор лежит в основании конформистского, апассионарного сознания патриархального типа. Второй характерен для «державнической», тоталитаристской ментальности с ролевой идентификацией личности. Третий вектор отличает автономное сознание либералистского типа, свойственное самоутверждающимся личностям. Четвертый присущ диалогизированной (в отличие от первых трех — сугубо монологических) ментальности единения с другими социальными субъектами, но без утраты собственной идентичности, без растворения «я» в «мы».

В практической жизни повседневного сознания ни один из перечисленных ментальных типов не выступает в чистом виде. В аспекте синхронии модусы сознания предстают уровнями, структурирующими деятельность каждого ментального «я». Всякий акт индивидуального мышления совершается на том или ином из этих уровней, отвечает тому или иному вектору духовности. Человек современных (динамичных) обществ, как правило, обладает не постоянным, а переменным менталитетом: в разные эпохи и в различных ситуациях своей личной и общей исторической жизни в его духовном бытии могут преобладать различные тенденции. Конфигурации этих тенденций и составляют ментальность данного социума.

***

Для обнаружения столь глубинных, не подлежащих непосредственному наблюдению процессов целесообразно обратиться к *фрейд-анализу* повседневного сознания составляющих социум индивидов. Такого рода анализ национального менталитета дает, конечно, более расплывчатые и приблизительные результаты, чем прямой социологический опрос. Однако, с другой стороны, он представляет собой более тонкую и глубинную диагностику ментальных тенденций общественной жизни.

Посредством обычного анкетирования нельзя выявить действительные поведенческие реакции респондентов. Выявленные когнитивные реакции на вопросы также могут быть в известной степени неадекватными: спровоцированными самой искусственностью коммуникативной ситуации опроса (феномен «парадных ценностей») или навязанными официальным языком анкетирования, чуждым социокультурному коду респондента и его референтной группы. На наш взгляд, эту ограниченность социологического опроса возможно в какой-то

Диагностика ментального кризиса

мере компенсировать, дополнив его результаты выявлением фреймов изучаемого сознания — этих «атомов» ментальности.

В работах по искусственному интеллекту и теории коммуникации «фреймами» именуют распознаваемые сознанием когнитивные *микросценарии* природных и социальных процессов, а также индивидуального или группового поведения. Например: «Зерно убирают» или «Зерно прорастает». Фрейм представляет собой двучленную микроструктуру, которая складывается из темы (слово или группа слов, отсылающая к некоторому кругу референтных ситуаций) и ремы (слово или группа слов, актуализирующая одну из таких ситуаций). В данном случае «зерно» — тема, «убирают» или «прорастает» — ремы.

Фрейм — структура не информативная, а нормативная. Обычно тема входит в состав целого ряда фреймов. Высказывание при этом несет информацию в той мере, в какой осуществляет выбор одного из возможных фреймов данного тематического ряда. Информативность высказывания резко возрастает в случае конфликта фреймов. Например, в высказывании «Прокурор ограбил» наличию конфликт фреймов «Прокурор обвиняет» и «Преступник грабит».

Микросценарии итеративных (многократно повторяющихся) явлений или действий по природе своей носят стереотипный (доксальный) характер. Варьируемые компоненты фреймов (ремы) по преимуществу ценностно значимы. Так, фрейму «Солнце согревает (оживляет)» противостоит фрейм «Солнце опалывает (убивает)». Особенно это касается фреймов социального поведения. Если в советское время основным фреймом на тему армии был, вероятно, фрейм «Армия защищает отечество», то в сознании определенной части наших современников, несомненно, существуют фреймы «Армия бедствует», «Армия разлагается», «Армия калечит людей» и т. п.

В рамках комплексного проекта социологических исследований «Томская инициатива» была разработана оригинальная методика диагностики мировоззренческих тенденций повседневного мышления наших современников. Целью предпринятого анкетирования было выявление соотношения в российском массовом сознании охарактеризованных выше четырех важнейших типов ментальности.

Непосредственным предметом наблюдения и истолкования явились приоритетные фреймы: из четырех высказываний с общим тематическим словом, но различными предикативными продолжениями (ремами) необходимо было выбрать одно, наиболее убедительное для респондента. Каждое такое высказывание преимущественно соотносимо с первым, вторым, третьим или четвертым ментальным вектором. Основание для такого рода соотношений дает изучение парадигм художественной культуры XX века [Тюна 1998].

Всего разработанная нами фрейм-анкета включила в себя 24 позиции: 22 тематических гнезда по 4 фрейма в каждом (см. Прил. 1), а также 2 набора из четырех символов, ценностная значимость которых (соотносимая с одним из четырех ментальных векторов) была определена по методике участника проекта «Томская инициатива» Л.М. Смирнова. Каждая из этих позиций предполагала также возможность выбрать вариант: «затрудняюсь ответить».

По данной анкете в период с 25 сентября по 3 октября 2001 г. был проведен квартирный опрос населения Томской области. Опрос был основан на квотной репрезентативной случайной выборке с последующим взвешиванием полученных результатов. Выборка включала 1507 совершеннолетних жителей региона и

была квотирована по полу, возрасту, образованию, а также по соотношению городского и сельского населения. Статистическое распределение поло-возрастных показателей соответствовало данным Госкомстата на 1 января 1998 г.; показателей образования — данным микропереписи 1994 г. (при составлении квот была учтена экспертная оценка изменения этих показателей в регионе за прошедшие годы).

Конечный результат опроса оказался достаточно неожиданным.

Исходя из традиционных представлений о российской ментальности, можно было предположить преимущественный выбор фреймов первого или второго типов. Учитывая либерализацию общественного сознания в последнее десятилетие, можно было предвидеть существенную долю выбора также и фреймов третьего типа. И в самом деле: «покой» признали «нормой жизни» 72,6 % опрошенных; «свободу» — 57,5 %, тогда как ответственность — только 48 % (а 36,9 % авторитарно отождествили «ответственность» с «долгом»). Однако в остальном картина распределения предпочтений оказалась существенно иной.

Из 88 фреймов анкеты предпочтение было отдано: фреймам Покоя (I тип) — в 26,7 % случаев; фреймам Власти и Порядка (II тип) — в 18,1 %; фреймам Свободы (III тип) — в 17,5 %; фреймам Ответственности (IV тип) — в 37,5 %.

При этом 47,2 % опрошенных признали, что «власть портит человека», и только 24 % продолжают думать, что «власть обеспечивает порядок».

Перевес четвертого типа фреймов довольно значителен: соответственно, удельный вес четвертого ментального типа составляет не простое, а *конструктивное* большинство.

Многочисленные исследования художественных структур убеждают в принципиальной значимости «золотого сечения» (соотношение 61—62 % и 38—39 %) для гармоничных и действенных построений. Это побуждает предполагать, что и в социальной, в частности ментальной, жизни общества векторная тенденция должна достигать показателя не менее 38—39 %, чтобы оказаться конструктивной (доминантной или субдоминантной).

Обнаруженная тенденция тяготения повседневного сознания наших сограждан-томичей к ментальности четвертого типа подтверждается также их предпочтениями символов, включенных в анкету. Респондентам было предложено сделать выбор из четырех «линейных» символов (рис. 1).

Последний показатель представляется весьма существенным, поскольку предложенные символы (в отличие от некоторых фреймов) совершенно не нагружены социально-идеологическим содержанием. Столь резкое предпочтение символа «меандр» (наиболее частотные ценностные ассоциации этого символа — «образование» и «профессионализм») делает еще более убедительным выявленное фреймовым анкетированием лидерство конвергентного модуля сознания.

В состав вопросов был включен также выбор из ряда «круглых» символов. К сожалению, здесь при составлении анкеты нами были допущены просчеты. Символ № 1 и символ № 2 в немалой степени дублируют друг друга. Символ № 3 (почти однозначная ценностная ассоциация: «удовольствие») для актуализации уединенного Я-сознания был использован недостаточно обоснованно. Однако четвертого символа просчеты не затронули. По этой причине и неполноценный результат по данной позиции анкеты имеет для нас немаловажное зна-

Диагностика ментального кризиса

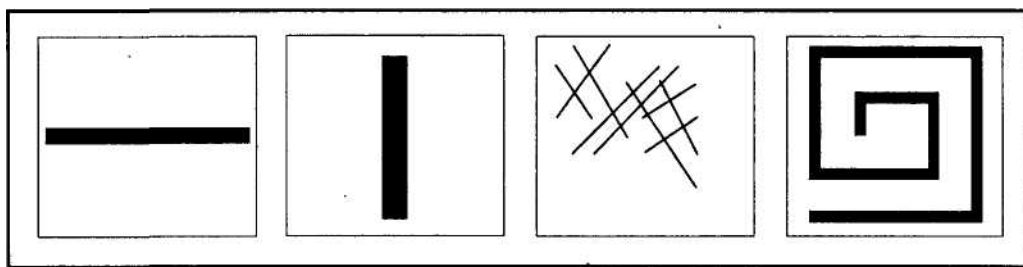

Рисунок 1. Представления опрошенных о смысле жизни

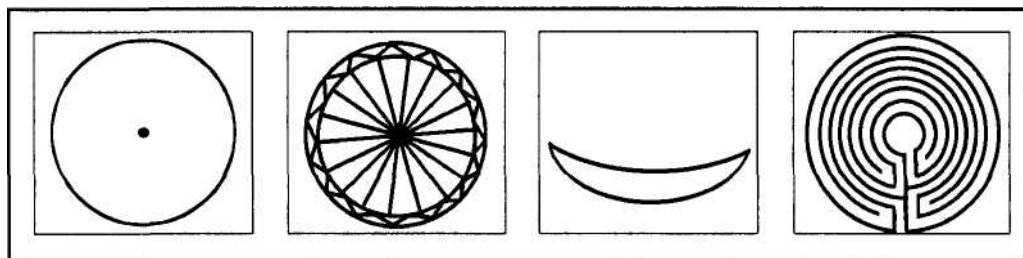

Рисунок 2. Ответы респондентов о символизировании смысла жизни

чение. Ответы респондентов о символизировании смысла жизни распределились следующим образом (рис. 2).

Хоть и не столь явная, но все же предпочтительность символа «лабиринт» (ассоциативный ряд: «образование», «развитие», «творчество») подтверждает закономерность повышенной частотности ментальных реакций четвертого типа. Более того, средний показатель выбора четвертых символов (37,55 %) практически совпадает со средним показателем выбора четвертых фреймов.

Неслучайный характер полученных результатов нуждается, по-видимому, в более содержательных дополнительных аргументах. Приведем несколько примеров выявленных частных закономерностей, подтверждающих основательность и существенность итоговых данных.

Так, в рамках тематического гнезда «Армия» при общем предпочтении четвертого фрейма «Армия бедствует» (32,2%) большинство сторонников компартии и ЛДПР избирает первый фрейм «Армия защищает народ», а сторонники «Единства» (партия власти) избирают и то, и другое поровну. Первому фрейму (возможно, по привычке?) отдает предпочтение большинство респондентов старше 55 лет.

В тематическом гнезде «Богатство» конструктивное большинство принадлежит ремю «позволяет жить в свое удовольствие», но у респондентов достаточно зрелого и социально активного возраста (с 35 до 54) этот фрейм закономерно уравнивается (более чем по 1/3) с фреймом «Богатство дает власть».

Из фреймов «Власти» в целом доминирует вариант «портит человека», но треть сторонников партии власти все же выбрала «обеспечивает порядок», а у респондентов старше 64 лет, основную часть своей жизни проживших при советском строе, фрейм «порядка» не случайно достиг отметки конструктивного большинства.

Из вариантов развертывания тематизма «Герой» конструктивное большинство имеет фрейм «отвечает за свои поступки», но сторонники КПРФ предпочли «страдает за правду»; по возрасту это предпочтение обнаружилось у тех, кто старше 55.

«Дело» почти поровну (по 1/3) «позволяет реализовать свои возможности» и «требует организованности и порядка». Однако более богатые из числа опрошенных отдадут преимущество «реализации возможностей», тогда как бедные — «организованности и порядку»; правые — «возможностям», левые — «организованности»; респонденты с высшим образованием предпочитают «возможности», с неполным средним — «организованность».

В тематическом гнезде «Дом» доминирует рема «семейные отношения», но треть наиболее богатых респондентов все же предпочла рему «место отдыха».

«Ответственность — норма жизни» для 48% опрошенных, но все же в наибольшей степени — для бизнесменов (59%) и в наименьшей — для пенсионеров (44%). Такое расхождение психологически весьма убедительно.

В тематическом гнезде «Справедливость» доминирует рема «необходима, но недостижима», но у тех, кто отказывается принимать участие в выборах, конструктивное большинство (38%) отдано фрейму «Справедливость выгодна одним и невыгодна другим».

Вполне закономерно, что в ответах самых младших респондентов ни один фрейм часто не набирает и 30 %, что не позволяет с уверенностью говорить об отсутствии определенной ментальной тенденции. Вызвано это, надо полагать, мировоззренческой незрелостью многих молодых. Даже в отношении к армии, где можно было ожидать некоторую определенность, ее нет. Предсказуемый, казалось бы, выбор негативного фрейма «Армия калечит людей» осуществили только 26 % молодежи; причем со стороны девушек он составил 28 %, а со стороны юношей — только 15 %.

Возрастная динамика ментальности вообще представляет весьма любопытную и убедительную картину (табл. 1).

Неуклонное нарастание с возрастом удельного веса вектора покоя (I) психологически абсолютно естественно. То же самое можно сказать и по поводу обратной возрастной тенденции ментального вектора свободы (III).

Особого комментария заслуживает динамика авторитарности (II). Вполне закономерно, что наименьшей она оказалась у людей зрелых (в возрасте 45—54 лет). Наибольшую авторитарность проявили не только самые пожилые респонденты, но и самые молодые. Если бы у младшей возрастной категории не было высокого показателя ответов четвертого типа, это могло бы служить тревожным симптомом. Однако относительно повышенная авторитарность в данном случае, по-видимому, вызвана некоторой интеллектуальной незрелостью и соответствующей мировоззренческой неустойчивостью.

Выявленная закономерность возрастной динамики авторитарного менталитета в целом подтверждается и даже заметно усиливается средними показателями выбора соответствующих символов. Эти символы выбрали 21,65 % респондентов в возрасте 18—24 лет, и только 16,7 % — в возрасте 45—54 года, по 30,2 % тех, кто старше 65 лет.

Наиболее интересна и существенна возрастная динамика конвергентной ментальности (IV). У респондентов пенсионного возраста очевиден сниженный показатель предпочтения фреймов, тяготеющих к вектору ответственности. Это,

Диагностика ментального кризиса

Таблица 1. Доля избранных фреймов в возрастных группах (в % к числу опрошенных)

Тип ментальности	Возраст					
	18-24	25-34	35-44	45-54	55-64	Старше 65
I	24,0	24,4	25,3	27,0	28,0	29,4
II	19,2	18,0	16,75	15,4	15,9	19,0
III	18,6	18,1	17,55	17,8	16,9	16,8
IV	37,3	38,1	38,1	37,1	36,7	33,4

несомненно, объясняется их длительным социальным опытом в обществе властного должностования, а не свободной личной ответственности. Максимальный показатель ментальности четвертого типа приходится на социально наиболее активный возраст от 25 до 44 лет. Это позволяет надеяться (учитывая к тому же достаточно высокий показатель и в младшей возрастной группе), что роль ментального вектора ответственности в общественной жизни будет не убывать нарастать.

Средние показатели выбора четвертых символов обозначенную закономерность подтверждают и делают еще более наглядной. Эти символы предпочли 44,6 % из тех, кому 35—44 года, 42,2 % — в возрасте 25—34 года и только 23,95 % тех, кому более 65 лет.

Общую ведущую роль четвертой модели ответов обеспечили следующие фреймы:

- «Любовь наполняет жизнь смыслом» (65,5 %);
- «Профессионализм придает уверенность в себе» (63,7 %);
- «Человечество губит окружающую среду» (57,5 %);
- «Дом — это семейные отношения» (54,1 %);
- «Труд приносит удовлетворение» (51,3 %);
- «Законность требует всеобщей ответственности» (49,7 %);
- «Власть портит человека» (47,2 %);
- «Наука помогает ориентироваться в жизни» (43,6 %);
- «Герой отвечает за свои поступки» (40,5 %).

Избранные фреймы на темы власти, законности, героизма говорят, конечно, сами за себя. Однако не следует недооценивать значимости и таких «аполитичных» фреймов, как «Любовь наполняет жизни смыслом». Жажда осмысленности межличностных отношений, в которые личность вступала бы хорошо ориентирующейся, уверенной в себе, удовлетворенной своим участием в жизни и не устранивающейся от ответственности за это участие, есть не что иное как проект ментальности достаточно новой для российских общественных условий.

Интересно, что один из самых маркированных фреймов советской эпохи — «Человечество рвется в космос» — оказался практически пустым (его выбрали всего 2,5 % опрошенных). Непопулярным оказался и такой значимый фрейм советского прошлого, как «Справедливость определяется высшими целями» (7,1 %).

Рассмотрение полученных данных с точки зрения социально-политической ориентации респондентов дало результаты, систематизированные в следующей таблице (табл. 2). «Левыми» (25,6 %) названы сторонники КПРФ и ЛДПР,

Таблица 2. Доля избранных фреймов в группах разных социально-политических ориентаций (в % к числу опрошенных)

	Левые	Центристы	Правые	Неопределившиеся
I	28,1	25,9	23,7	27,0
II	17,0	19,0	16,9	16,3
III	18,6	17,3	17,9	18,15
IV	35,2	37,4	40,8	36,6

«центристами» (15,6 %) — сторонники «Единства» и ОВР, «правыми» (11,9 %) — «Яблока» и СПС. Неопределившиеся составили 41,3 %.

Перед нами картина очевидного ментального кризиса социальной субъектности с ясно просматривающимися, но весьма слабо выраженными тенденциями.

«Левые», как это ни парадоксально, наиболее апассионарны, что объясняется, надо полагать, прежде всего возрастом основного электората КПРФ.

Наибольшую авторитарность проявили «центристы», что для сторонников «партии власти» естественно. Однако этот перевес над авторитарностью других мировоззренческих ориентаций ничтожно мал, а в ментальном спектре самих центристов занимает лишь третью позицию.

«Правые» обладают конструктивной (свыше 40 % всех фреймов) ментальностью конвергентного типа, но их всего лишь около 12 % из числа опрошенных. И даже вместе с «центристами», явственно тяготеющими к ментальному вектору ответственности, эта часть мировоззренческого спектра составляет (в томском регионе) только 27,5%.

Политически не определившиеся респонденты по своим ментальным характеристикам суммарно приближаются к «левым». Однако на деле эта большая группа населения крайне неоднородна и таит в себе потенциал для любой мировоззренчески существенной общественной тенденции.

Как показывает проведенный анализ, реальная перспектива разрастания в консолидирующий фактор ментальности имеется только у конвергентного Ты-сознания, приобретшего ведущее положение (хотя и слабо выраженное) в менталитете всех без исключения социальных групп общества.

Знаменателен и психологически убедителен тот факт, что наиболее высокий показатель выбора фреймов ответственности (38,7 при среднестатистической отметке 37,5) отмечен у людей среднего достатка (34,1 % опрошенных). Тогда как у наиболее богатых (3,5 % опрошенных) этот показатель заметно понижен (35,9), а у самых бедных (17,8 % опрошенных) «порог ответственности» и вовсе низок (32,9).

Последние два показателя не достигают конструктивного большинства и не могут играть существенной роли в социальном самоопределении субъектов такого менталитета. Однако, судя по результатам анкеты, конструктивное большинство (41,5 % опрошенных) в обществе все же принадлежит тому потенциальному, еще не сложившемуся «среднему классу», в менталитете которого роль конструктивного фактора играет вектор личностной ответственности.

Диагностика ментального кризиса

Сказанное выше позволяет нам с уверенностью говорить о существовании в России ментальных предпосылок к формированию «новой общественной субъектности», о зарождении здесь (или, по крайней мере, в Сибирском регионе) весьма позитивной тенденции к новому гражданскому объединению общества на нетрадиционных для России основаниях.

Литература

Бахтин ММ. Собр. соч. в 7 тт. Т. 5. М., 1996.

Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. М., 1984.

Тюпа В.И. Постсимволизм. Самара, 1998.

Тюпа В.И. Парадоксы уединенного сознания — ключ к русской классической литературе // Парадоксы русской литературы. СПб., 2001.

Sorokin P.A. Crisis of Our Age. N.Y., 1991.

Приложение 1.

Содержание анкеты и линейное распределение ответов

(Респонденту предлагается из четырех слов/словосочетаний правой колонки выбрать *одно*, более других, на его взгляд, соответствующее слову из левой колонки)

1. Армия...	защищает народ?	26,8
	укрепляет государство?	17,4
	калечит людей?	22,0
	бедствует?	32,2
	затрудняюсь ответить	1,6
2. Безопасность ..	заглушает тревогу?	28,0
	обеспечивается правильным государственным устройством?	23,0
	делает независимым?	17,7
	создается взаимным доверием?	21,4
	затрудняюсь ответить	9,9
3. Богатство...	вызывает зависть?	8,4
	дает власть?	29,4
	позволяет жить в свое удовольствие?	41,4
	предполагает некие обязательства?	18,1
	затрудняюсь ответить	2,7
4. Власть...	умножает заботы?	16,6
	обеспечивает порядок?	24,0
	подавляет?	10,2
	портит человека?	47,2
	затрудняюсь ответить	2,0
5. Герой..	страдает за правду?	36,6
	торжествует над врагами?	8,5
	не подчиняется обстоятельствам?	11,0
	отвечает за свои поступки?	40,5
	затрудняюсь ответить	3,4

6 Дело	причиняет беспокойство?	10,2
	требует организованности и порядка?	32,2
	дает надежду на успех?	20,6
	позволяет реализовать свои возможности?	34,9
	затрудняюсь ответить	2,1
7 Дом	место отдыха?	23,9
	организованный быт?	13,9
	замкнутое пространство?	7,6
	семейные отношения?	54,1
	затрудняюсь ответить	0,6
8 Законность	уравнивает граждан?	13,6
	управляет обществом?	19,6
	ограничивает свободу личности?	15,1
	требует всеобщей ответственности?	49,7
	затрудняюсь ответить	2,1
9 История	повторяется?	35,5
	делается великими людьми?	17,6
	цепь случайностей?	13,1
	зависит от наших решений?	31,5
	затрудняюсь ответить	2,3
10 Любовь	лишает покоя?	14,6
	завладевает человеком?	7,1
	окрыляет?	11,1
	наполняет жизнь смыслом?	65,5
	затрудняюсь ответить	1,6
11 Наука	накапливает знания?	36,4
	овладевает миром?	7,9
	освобождает от заблуждений?	10,2
	помогает ориентироваться в жизни?	43,6
	затрудняюсь ответить	1,8
12 Ответственность	озабоченность?	10,6
	долг?	36,9
	обуза?	4,1
	норма жизни?	48,0
	затрудняюсь ответить	0,5
13 Правда	никому неизвестна?	16,3
	только одна?	12,1
	у каждого своя?	49,3
	доля истины?	21,3
	затрудняюсь ответить	1,0
14 Покой	нормальное состояние?	72,6
	лень?	7,3
	неподвластность?	8,2
	бесцельность?	9,5
	затрудняюсь ответить	2,4
15 Профессионализм	обеспечивает достаток?	15,4
	делает человека влиятельным?	6,5
	сводит жизнь к работе?	12,4
	придает уверенность в себе?	63,7
	затрудняюсь ответить	2,0
16 Труд	утомляет?	11,0
	обеспечивает положение в обществе?	30,6
	порабощает?	5,9
	приносит удовлетворение?	51,3
	затрудняюсь ответить	1,2

Диагностика ментального кризиса

17 Религия	утешает?	44,1
	исправляет?	7,6
	обманывает?	18,4
	объединяет?	23,3
	затрудняюсь ответить	6,7
18 Россия	терпелива?	54,7
	могущественна?	16,2
	отсталая страна?	19,3
	неудобный партнер для других стран?	8,5
	затрудняюсь ответить	1,2
19 Свобода	беспокойство?	14,9
	непокорность?	13,2
	нормальное состояние?	57,5
	безответственность?	12,5
	затрудняюсь ответить	1,8
20 Семья	взаимная привязанность?	38,6
	маленький коллектив?	25,5
	клубок противоречий?	4,6
	согласование интересов?	30,3
	затрудняюсь ответить	0,9
21 Справедливость	всех уравнивает?	19,3
	определяется высшими целями?	7,1
	выгодна одним и невыгодна другим?	25,7
	необходима, но недостижима?	46,0
	затрудняюсь ответить	1,8
22 Человечество	пользуется дарами природы?	30,2
	покоряет природу?	8,4
	рвется в космос?	2,5
	губит окружающую среду?	57,5
	затрудняюсь ответить	1,4